

Филимошина Д. В.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ТЕКСТА АНЕКДОТА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/104.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 240-243. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

делать обобщения. Очень показателен в этой связи следующий фрагмент научного текста: *В.П. Вершинина избрана как типичная языковая личность, во-первых, как рядовой носитель языка, каких большинство, во-вторых, как типичный житель села, носитель одной из основных форм существования национального языка - диалекта* (Полный словарь диалектной личности, Томск, 2006).

По основанию «творческий характер языковой личности» разграничиваются личности стандартные и нестандартные. В этом понимании *обычный, средний, стандартный = непродуктивный, нетворческий, неоригинальный*. Компонент с семантикой «средний, обычный» является оценочным, воплощает подспудно аксиологический минус.

Рассмотрим традицию названия трудов по лингвоперсонологии, выделяя типы заголовков на основании использования собственных - нарицательных существительных, которые в свою очередь отражают внимание/невнимание к индивидуальному или типичному.

1. Названия с номинациями предельно широкого семантического охвата. Лексемы «человек», «личность» снабжаются слабоидентифицирующими определениями, сужающими объект исследования параметром времени или места: *Речевой портрет современного человека; Феномен диалектной языковой личности; Безличные предложения в языке диалектной личности*.

2. Названия, в которых фигурируют социальные номинации языковой личности. Номинации личности в социальном аспекте, с одной стороны уточняют объект исследования до некоего социального класса, с другой стороны, отражают отсутствие интереса к индивидуальным особенностям носителей языка: *Речевой портрет эмигрантки первой волны; Современный русский интеллигент; Идиолект былинного певца*.

3. Названия со словом «один». В данном случае очевиден индивидуальный характер объекта, между тем *имя* (имя собственное) ему не присваивается: *Устная и письменная монологическая речь одного лица; Из наблюдений над словарным запасом одного человека; О соотношении языка говора и речи одного носителя говора*. Интересен подзаголовок последней работы «*На материале (ождается: чьей речи, на самом деле - на примере чего?) вводных слов*».

4. Названия, построенные по типу «от социального к индивидуальному». В таких заголовках синтаксически выражена подчиненность компонента, выраженного именем собственным: *Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана); Опыт описания языковой личности: А.А. Реформатский; Попытка описания языковой личности (на материале высказываний спортивного комментатора омского телевидения А. Блохина)*.

5. Названия с акцентом на имени собственном, организующим центром которых является индивидуальное имя: *Дискурсное описание языковой личности Катутла; Языковая личность Ивана IV*.

Подведем некоторые итоги:

1. Противопоставление «обычный человек - выдающийся человек» является структурирующим для всего устройства общества и значимым для литературной и научной традиции.

2. В языке есть системные средства для выражения противопоставления. Одним из способов выделения объекта из недифференцированного множества является его наименование.

3. Семантическая зона среднего представлена разнообразными смыслами: *среднестатистический, нормальный, стандартный, рядовой* и т.п. Аксиологический характер этих смыслов различен. Актуализация одного из смыслов приводит к различиям в подходах к образу обычного человека.

4. «Разноликость» обычного человека отражается в лингвоперсонологии: актуализируется то смысл «такой, как все, распространенный», то смысл «стандартный, неоригинальный, банальный».

5. Различие смыслов определяет функцию обычного человека: он выступает то как основной объект исследования, то как фон для выявления особенностей необычных языковых личностей.

6. Заголовки трудов по лингвоперсонологии (а именно функционирование в названиях собственных и нарицательных существительных) свидетельствуют о «способе прочтения» образа обычного человека, реализованном в соответствующем произведении.

Список использованной литературы

1. **Белинский В.Г.** О русских повестях и повестях господина Гоголя // Белинский В.Г. Статьи. - М.: ОГИЗ, 1947. - С. 52-81.
2. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс // Вопросы философии. - 1989. - № 3. - С. 48-61.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ТЕКСТА АНЕКДОТА

Филимошина Д. В.
РГПУ им. А. И. Герцена

Ученые, занимающиеся исследованием анекдота, отмечают, что «анекдот - это текст с жестко заданной структурой» [Шмелева, Шмелев 2002 131]. В.И. Карасик относит анекдот к одному из жанров юмористического дискурса, и полагает, что это устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение [Карасик 2004 308].

Как устный, живой, динамический жанр анекдот предполагает повествование, развертывающееся не прямо и последовательно, а скачками; он «отвергает плавность и симметрию», его асимметричность входит в «ту сверхзадачу, которая определяет развертывание анекдота» [Курганов 2001 23]. Такой «сверхзадачей» является создание комического эффекта и возбуждение эмоции смеха у адресата. Очевидно, что определенное структурное построение анекдота продиктовано использованием данной характеристики в воплощении основной прагматической установки - достижении комического эффекта.

Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев определяют анекдот как квазинарративный монологический текст с двучастной структурой. Исследователи также выделяют две стадии, которые проходит слушатель: понимание несоответствия и нахождение скрытого смысла, т.е. переинтерпретация текста. Они подчеркивают, что вторая стадия не является обязательной для всех анекдотов, так как несоответствие само по себе смешно [Шмелева, Шмелев 2002].

Говоря о структурных особенностях анекдота, авторы далее отмечают, что более длинный зачин и следующий за ним короткий и неожиданный конец, заставляют слушателя переинтерпретировать начало анекдота. Сутью анекдота является несоответствие начала и конца и комический эффект, который создается обманутыми ожиданиями слушающего. Зачин является важной структурной характеристикой анекдота. Начало может быть очень коротким, состоящим из одного предложения, и довольно длинным, направленным на то, чтобы «усыпить» бдительность слушающего и сделать конец анекдота еще более неожиданным. Конец анекдота - всегда короткий - усиливает эффект неожиданности [Шмелева, Шмелев 2002 131-132].

Е. Курганов считает, что в анекдоте с первых же слов задается строго определенная эмоционально-психологическая направленность, которая должна быть смещена, нарушена в финале [Курганов 1997 30]. Исследователь обращает особое внимание на предфинальную паузу, которая в пределах сжатого, концентрированного пространства анекдота во многом определяет специфичность его ритмической структуры и разбивает анекдот на два неравных отрезка. Такое членение обуславливает повышенный динамизм анекдота, а его асимметрия - глобальный признак структурного своеобразия - обеспечивает «максимально эффективное и эффектное существование жанра» [Курганов 2001].

Е. Курганов также пишет о «феномене лексического взрыва», «когда в финале анекдота столкновение несовпадающих значений производит сначала короткое замыкание, а затем и взрыв» [Курганов 2001 24]. В другой своей работе Е. Курганов обращается к «закону пунты», который и определяет, по мнению автора, специфическое строение анекдота и его исключительный динамизм. Заключительная реплика принадлежит совершенно иному эмоционально-психическому измерению. При этом происходит резкая смена смысловых значений, и действующие лица анекдота вдруг оказываются говорящими как бы на разных языках [Курганов 1997: 30-31].

Некоторые ученые условно делят текст анекдота на три структурные составляющие: зачин - развитие темы - момент кульминации (В.И. Карасик); стадия экспозиции, представления ситуации - стадия развития ситуации, расширения сюжетной линии - стадия разрешения ситуации, юмористический финал (О.М. Месропова).

В.И. Карасик вслед за зачином в анекдоте выделяет развитие темы, которое выражается как повествование в настоящем историческом времени или как описание. Момент кульминации анекдота выступает как центральный пункт смешного события или явления и должен быть в какой-то мере неожиданным и парадоксальным. Важно отметить, что кульминация в анекдоте является его содержательным финалом, но не финалом коммуникативным, поскольку предполагается реакция на анекдот [Карасик 2004 308].

О.М. Месропова определяет прагматическую установку первой стадии в актуализации информации об описываемой ситуации и введении первого из двух противоречивых сценариев. Вторая стадия характеризуется развитием первого сценария и возможным введением элементов второго, противоречащего первому. На заключительной стадии происходит переключение, актуализирующее второй сценарий, и становится очевидным противоречие двух сценариев. О.М. Месропова отмечает, что три данные стадии выделяются не всегда. Обязательными являются стадии экспозиции и разрешения ситуации, стадия развития ситуации может и не присутствовать [Месропова 1999 85].

Для того, чтобы определить, какую роль репрезентация эмоций играет в семантической структуре анекдота, необходимо проследить развертывание эмоциональной ситуации и встречаемость различных эмоций на каждой стадии развертывания текста анекдота. Мы выделяем следующие стадии в тексте анекдота:

СТАДИЯ 1. Завязывание действия/ введение в ситуацию.

СТАДИЯ 2. Основная часть - представление ситуации, возникновение противоречия.

СТАДИЯ 3. Развязка - «кульминационный пункт», снятие, разрешение противоречия.

Проанализируем следующий анекдот:

Four linguists were sharing a compartment on a train on their way to an international conference on sound symbolism. One was English, one Spanish, one French and the fourth German. They got into a discussion on whose language was the most eloquent and euphonious (СТАДИЯ 1).

The English linguist said: "Why, English is the most eloquent language. Take for instance the word "butterfly". Butterfly, butterfly... doesn't that word so beautifully express the way this delicate insect flies. It's like flutter-by, flutter-by."

"Oh, no!" said the Spanish linguist, "the word for "butterfly" in Spanish is "maripose". Now, this word expresses so beautifully the vibrant colours on the butterfly's wings. What could be a more apt name for such a brilliant creature? Spanish is the most eloquent language!"

"Papillon!" says the French linguist, "papillon! This word expresses the fragility of the butterfly's wings and body. This is the most fitting name for such a delicate and ethereal insect. French is the most eloquent language!" (СТАДИЯ 2).

At this the German linguist stands up, and demands: "Und vot is rongk mit 'SCHMETTERLING'?" (СТАДИЯ 3).

На СТАДИИ 1 представляются составляющие пространственно-временного хронотопа: время (on their way to an international conference on sound symbolism), место развертывания ситуации (a compartment on a train), ее участники (Four linguists), а также их действия в данной ситуации (They got into a discussion on whose language was the most eloquent and euphonious). Эти параметры создают определенную установку у адресата и подготавливают его к восприятию дальнейшего развертывания событий. Эмоционально-окрашенные эпитеты *the most eloquent and euphonious* порождают психический настрой и внутренние ожидания адресата чего-то красивого и гармоничного.

На СТАДИИ 2 имеет место само действие, которое в данной ситуации представлено диалогом персонажей. Каждый из лингвистов крайне эмоционально приводит причины, почему именно его язык является самым выразительным и благозвучным. В речи персонажей присутствует большое количество эмотивных языковых единиц, позволяющих им выразить свой восторг и восхищение родным языком. Стоит отметить, что по мере вступления в диалог каждого нового персонажа количество эмотивных фраз в его речи возрастает, так же как возрастает и степень эмоционального напряжения высказывания. Таким образом, высказывание последнего персонажа по сравнению с первым является гораздо более эмоциональным, а эмоции, выражаемые в нем, - восторг, восхищение, эстетическое наслаждение - более интенсивными.

Сравним: например, в речи англичанина, первым начавшего разговор, восхищение красотой своего языка выражается в повторах и риторическом вопросе *Butterfly, butterfly... doesn't that word so beautifully express the way this delicate insect flies*, а также предложением, содержащим сравнение и повторы звукоподражательных слов *It's like flutter-by, flutter-by*. Междометие *Why*, часто выражающее удивление, в данном случае используется говорящим, чтобы привлечь внимание собеседников и придать особое значение своему высказыванию.

Реплика испанского лингвиста начинается с эмоции удивления сказанному англичанином, актуализирующейся в междометии *Oh, no!*. Восхищение испанца выражают такие эмотивные языковые единицы, как эпитеты *vibrant, brilliant*, риторический вопрос *What could be a more apt name for such a brilliant creature?*. Последнее восклицательное предложение реплики персонажа говорит о его восторге.

Высказывание француза богато восклицательными предложениями, выражающими и восхищение, и восторг: *Papillon! papillon! French is the most eloquent language!* Эмотивный эффект создают и такие выразительные средства, как метафора *the fragility of the butterfly's wings and body*, эпитеты *delicate and ethereal*, превосходная степень прилагательного *the most fitting*.

Подводя итог анализа лингво-стилистических особенностей речи трех персонажей на данной стадии развертывания текста анекдота, можно отметить следующие общие эмоциональные черты их речи:

- реплика каждого персонажа состоит из нескольких предложений, которые являются в большей или меньшей степени экспрессивными;
- каждая реплика содержит фразу [...] *is the most eloquent language*;
- наличие стилистических эмотивных и выразительных средств (метафора, эпитет, сравнение, повторы, риторический вопрос);
- наличие междометий как средств выражения эмоций.

На СТАДИИ 3 происходит нарушение вероятностного прогнозирования адресата. Адресат ожидает, что при вступлении в разговор немца последует такое же восторженное описание выразительности немецкого языка, однако вместо этого немецкий лингвист произносит фразу на ломанном английском языке *Und vot is rongk mit 'SCHMETTERLING'?*, которая далека от благозвучной и эмоциональной речи его коллег. Эта фраза является подтверждением сложившегося стереотипа о неблагозвучности немецкого языка, но комический эффект в данном анекдоте вызывает именно неожиданность ее появления для адресата. Нарушение языковых норм и речевых стереотипов английского языка, в данном случае - сильный немецкий акцент, несвойственные английскому языку лексические единицы (*und, mit*), искажение некоторых английских слов на немецкий манер (*vot - what, rongk - wrong*), а также лаконичность выражения фразы являются причиной несоответствия этого заключительного фрагмента текста его предыдущей части. Немецкая лексема для понятия «бабочки» *schmetterling* фонетически созвучна высказыванию в целом и повышает его специфическую экспрессивность, а, следовательно, и несоответствие эмоционально возвышенному пафосу предыдущего повествования.

Список использованной литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Москва: Гнозис, 2004.
2. Курганов Е. Анекдот как жанр. - СПб., «Академический проект», 1997.
3. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001.

4. Месропова О.М. Структурные, прагматические и содержательные аспекты текстотипов «анекдот» и «шутка». Дисс. ... канд. филол. наук, СПб., 1999.

5. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. - М.: Языки славянской культуры, 2002.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ШТРАФОВ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ МОСКОВСКОЙ РУСИ XV-XVII В.В.

Чащина Е. А.

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Терминология штрафов довольно широко представлена в жалованных грамотах Московского государства. Для обозначения штрафов в деловом языке Московской Руси служили термины *заповедь*, *пропятие* и *протаможье*.

Заповедь - 'штраф за нарушение запрета'. Древнерусское слово *заповедь* имело значение 'приказание, завет, заповедь'. Новое значение 'запрет', а затем 'штраф за нарушение запрета' стало известно с XIV в. Согласно „Материалам” Г.Е. Кочина слово *заповедь* с этим последним значением было широко употребительным в деловой письменности рассматриваемого периода [Кочин, 122].

Заповедные грамоты охраняли феодальную собственность (земли, леса, луга, рыбные промыслы и т.д.) от всяких на нее посягательств. На нарушителей имущественных прав феодалов князьями налагался штраф *заповедь*. Слово *заповедь* как юридический термин в дальнейшем вышло из употребления.

В жалованных грамотах данный термин использовался довольно активно: *и кого изымают в лесе в Оксиньинском, а ехат без доклада, да в том его утяжсут, и наместник мой возьмет на нем заповеди два рубля* (АФЗХ, I, № 97, 1473); *И кого утяжсут, и яз на тех велел имати заповеди по два рубля* (АФЗХ, I, № 100, 1525); *да в том его уличат, и наместник мой велит им на том доправить заповеди два рубля* (АФЗХ, I, № 190, 1490); *А у кого вымут меру, и они на нем возьмут два рубля заповеди, а в вине дадут на поруку* (АФЗХ, I, № 281, 1473-86); *А хто у них на тех плесех имеет ловити, бытии им от меня в казни, а заповеди два рубли* (АСЭИ, I, № 132); *инь на нем возмет въ мою казну два рубля заповѣди* (АСЭИ, II, № 69, 1435-47); *А черес сию мою грамоту хто съ юслушает, а имут ездити, и мои наместници бѣлозерьскии возмутъ на том в мою казну два роубля заповѣди* (АСЭИ, II, № 110, 1448-70); *А велѣтъ есмь имъ заповѣдати из двою рублей, хто имеет ловити на тои рецѣ рыбу или сѣжи бити, опрочѣ их манастыра, - и они на том возмут два рубля заповеди; а вцо им быт(и) от мене, шт великого кн(а)зѣ, в казни* (АСЭИ, III, № 41, 1460-61).

Пропятие - это 'штраф за неуплату пятна': *А кто продаст лошадь или кто купит, а не явит таможенником или у пятенщиков не пятнит, ино с того заповеди пропятие два рубля* (ААЭ, I, № 230, 1551).

Наименование *пропятие* образовано от *пропяться* 'провиниться в продаже или покупке лошади без уплаты пятна'. Термин *пропятие* в „Материалах” И.И. Срезневского датируется XV веком [Срезн., Мат., II, 1560]. В словаре В. Даля слово *пропятие* фиксируется с пометой „старинное”.

Пропяться - 'провиниться в продаже или покупке лошади без уплаты пятна': *а которой пропяти[т]ца или протомжитца манастырский, игумен Савва вину возмет на монастырь, а таможенники мои звенигородцики и рускии в монастырского человека не вступаютца* (АСЭИ, III, № 53^a, 1404).

Слово *пропяться* образовано от глагола *пятнить* - 'ставить на лошадь клеймо, пятно в доказательство взноса пошлины при ее покупке, продаже и мене'. Приставка *про-* вносит в слово *пропяться* значение ошибочности действия, приводящего к вреду и ущербу для действующего лица, например: *продешевить, просчитаться, проторговаться*.

Согласно „Материалам” И.И. Срезневского в письменных памятниках слово *пропяться* встречается с начала XV в. [Срезн., Мат., II, 1560].

Протаможье - 'штраф за неуплату тамги': *А с него протаможье имати наместнику и таможенником по тому же по расчету* (ААЭ, I, № 134, 1497).

Термин *протаможье* образован от глагола *протамжить* - 'провиниться в неуплате тамги'. В памятниках письменности он встречается с конца XV в. [Срезн., Мат., II, 1590].

Слово *протаможье* отмечено в „Материалах” Г.Е. Кочина [Кочин, 286], в *Толковом словаре* В. Даля [Даль, III, 518]. В словаре Г. Дьяченко *протаможье* обозначает 'вызыскание за неявку в таможене товаров' [Дьяченко, 517].

Протамжить - 'провиниться в неуплате тамги': *а которой пропяти[т]ца или протомжитца манастырский, игумен Савва вину возмет на монастырь, а таможенники мои звенигородцики и рускии в монастырского человека не вступаютца* (АСЭИ, III, № 53^a, 1404).

Кроме возвратного глагола *протамжить* в памятниках встречается глагол *протамжить*. В *Толковом словаре* В. Даля *протамжить* и *протамжиться* имеют разные значения: *протамжить* товар - 'проездить мимо таможи, без заявки и пошлины'; *протамжиться* - 'провиниться тайным провозом без пошлины' [Даль, III, 517-518]. В „Материалах” И.И. Срезневского *протамжити* - 'проездить товар без предъявления в таможене'; *протамжиться* - 'провиниться в тайном провозе товара без уплаты пошлины' [Срезн., Мат., II, 1590].